

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ,
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ»**

(к 5-летию УПК РФ)

МОСКВА 2007

ДЕНЕЖНОЕ ВЗЫСКАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Денежное взыскание в уголовном судопроизводстве представляет собой одну из установленных законом форм реализации ответственности потерпевшего, свидетеля, гражданского истца, гражданского ответчика и некоторых других субъектов уголовно-процессуальных правоотношений, которая наступает за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих процессуальных обязанностей. Сущность денежного взыскания заключается во взимании в доход государства определенных денежных средств указных лиц как следствия их противоправного поведения в уголовном процессе, в том числе для в судебном заседании.

Законодатель относит денежное взыскание к «иным»¹ мерам уголовно-процессуального принуждения, помещая соответствующие законодательные положения (ст. 117 и 118) в главу 14 УПК РФ. Однако представляется весьма очевидным, что данный правовой механизм существенным образом отличается как от других «иных» мер уголовно-процессуального принуждения, так и вообще от всех остальных процессуально-принудительных средств. Ядром такого отличия является материально-правовой характер денежного взыскания как одной из форм реализации юридической ответственности участников уголовного судопроизводства. Тогда как все остальные используемые в уголовном судопроизводстве меры принуждения носят процессуальный характер и направлены, главным образом, на профилактику и пресечение неправомерного поведения подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и других участвующих в уголовном деле лиц.

В связи с этим закономерно возникает вопрос относительно правовой природы юридической ответственности, реализуемой посредством денежного взыскания.

¹ Здесь и далее термин «иные» нами берется в кавычки. Таким образом, мы подчеркиваем, что он является именно названием самостоятельной группы мер принуждения (гл. 14 УПК РФ), а не используется в значении «другие».

Для решения этой проблемы мы предприняли небольшое теоретическое исследование, заключающееся в сравнительном анализе денежного взыскания с четырьмя традиционными видами юридической ответственности, а именно: уголовной, гражданско-правовой, административной и дисциплинарной. Результаты данного исследования показали следующее.

Сама по себе юридическая ответственность может наступать только за совершение определенных правонарушений, то есть противоправных виновных и наказуемых деяний (действий или бездействий), причиняющих вред интересам общества, государства или отдельных лиц. Следовательно, неисполнение (ненадлежащее исполнение) потерпевшим, свидетелем и другими участниками возложенных на них уголовно-процессуальных обязанностей следует расценивать как определенное правонарушение. Но какое?

Как известно, в общей теории права выделяют четыре основных вида правонарушений: уголовные (преступления), гражданские, административные и дисциплинарные¹, которые соответственно и обуславливают наступление уголовной, гражданско-правовой, административной и дисциплинарной ответственности².

Очевидно, что подобное противоправное поведение участников уголовного процесса нельзя расценивать как гражданско-правовой проступок. Поскольку последний, как известно, имеет своим объектом имущественные или связанные с ними личные неимущественные отношения, урегулированные частноправовыми нормами, и получает свое внешнее выражение в форме неисполнения (ненадлежащего исполнения) договорных отношений. В свою очередь, уголовно-процессуальная деятельность носит явный публично-правовой характер, а обязанности потерпевшего свидетеля и иных субъектов не вытекают из договорных отношений, а строго предписаны федеральным законом.

По этой же причине правонарушения, совершаемые в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности, не являются дисциплинарными проступками, поскольку они не направлены на

¹ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: НОРМА-ИНФРА-М. 1999. С. 520—521.

² Там же. С. 523—525.

внутренний распорядок деятельности предприятий, учреждений и организаций и не совершаются их сотрудниками.

Таким образом, денежное взыскание нельзя считать ни формой реализации гражданско-правовой, ни формой реализации дисциплинарной ответственности.

И в связи с этим справедливо возникает предположение, что противоправные действия (бездействия) свидетеля, потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства, которые обуславливают наложение на них денежного взыскания, видимо являются либо преступлениями, либо административными проступками, а само денежное взыскание — формой уголовной либо административной ответственности. Данное предположение к тому же подкрепляется тем обстоятельством, что и преступления, и административные правонарушения, несомненно, имеют публично-правовой характер. Но так ли это?

Сравнительный анализ норм уголовного законодательства Российской Федерации и норм, регламентирующих основания и процессуальный порядок наложения денежного взыскания, позволил выявить сразу три существенных противоречия.

Во-первых, преступлением признается только деяние, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса РФ (ст. 14 УК РФ). В сфере осуществления уголовно-процессуальной деятельности таковыми, например, являются отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 УК РФ), разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ) и пр. Однако неправомерные действия или бездействия участников уголовного судопроизводства, влекущие наложение денежного взыскания, не установлены ни одной из норм УК РФ.

Во-вторых, уголовная ответственность может быть реализована только посредством одного из уголовных наказаний, полный перечень которых приведен в ст. 44 УК РФ, где ничего не говорится о так называемом денежном взыскании (термин «взыскание» в уголовном праве вообще не используется).

И, наконец, в-третьих, уголовная ответственность может быть реализована, а уголовное наказание может быть назначено только в порядке уголовного судопроизводства. Тогда как для наложения

денежного взыскания предусмотрен особый порядок, напоминающий скорее производство по делу об административном правонарушении (ст. 118 УПК РФ).

Итак, учитывая все вышеприведенные аргументы, можно сделать еще один категоричный вывод: денежное взыскание не является формой реализации уголовной ответственности, а обуславливающие его правонарушения не могут расцениваться как преступные.

Следовательно, остается признать неправомерные действия (бездействие) участников уголовного судопроизводства, которые обуславливают наложение денежного взыскания, административными правонарушениями, а само такое взыскание — формой реализации административной ответственности. Кстати, в пользу этого суждения свидетельствует и ряд существенных аргументов. Например, описываемые деликты не характеризуются высокой степенью общественной опасности. Кроме того, они посягают на порядок производства по уголовному делу, то есть на общественные отношения, возникающие в ходе осуществления властных полномочий органов государственной власти и их должностных лиц. И, наконец, предусмотренная ст. 118 УПК РФ процедура наложения денежного взыскания весьма напоминает порядок производства по делу об административном правонарушении (составление первичного протокола, вынесение постановления о наложении взыскания и т.д.).

Поэтому денежное взыскание в уголовном судопроизводстве целесообразно было бы расценивать как одну из мер административной ответственности. Однако подобная и, как нам представляется, теоретически правильная позиция вступает в серьезные противоречия с законодательством об административных правонарушениях. Так, во-первых, административным правонарушением (деликтом) признается только деяние, предусмотренное Особенной частью Кодекса РФ об административных правонарушениях или же законами субъектов РФ (ст. 2.1 КоАП РФ). При этом неправомерные деяния участников уголовного судопроизводства, влекущие наложения денежного взыскания, установлены именно УПК РФ, а не вышеупомянутыми административно-правовыми нормами.

Во-вторых, административная ответственность может быть реализована только посредством административных наказаний, исчерпывающий перечень которых приводится в ст. 3.2 КоАП РФ. Причем ни о каком денежном взыскании там не упоминается. Конечно, по характеру такая мера принуждения очень напоминает административный штраф, однако формально это совершенно иная форма выражения юридической ответственности. Тем более что законодатель в новом Кодексе РФ об административных правонарушениях вообще уходит от термина «взыскание» и использует термин «административное наказание».

И, в-третьих, административная ответственность может быть реализована, а наказание — назначено только в порядке производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном разделами III—V КоАП РФ. Как мы уже отметили выше, порядок наложения денежного взыскания отчасти напоминает такое производство. Вместе с тем, формально данная процедура является принципиально иным видом правоохранительной деятельности и даже не может расцениваться как особый порядок административной юрисдикции.

Резюмируя все вышеприведенные суждения, мы можем говорить о некоей теоретико-правовой коллизии, заключающейся в том, что установленная нормами УПК РФ ответственность участников уголовного судопроизводства, наступающая за неисполнение ими некоторых процессуальных обязанностей и реализуемая посредством денежного взыскания, вообще не имеет определенно выраженной юридической природы.

Вместе с тем, предположение о существовании еще одного вида юридической ответственности — так называемой уголовно-процессуальной ответственности также, по нашему мнению, не имеет права на существование, так как она (ответственность) является материально-правовой категорией и поэтому должна устанавливаться нормами материального права (уголовного, административного и т.д.).

Попутно вспомним, что в науке советского, а впоследствии — и российского уголовного процесса предпринимались попытки изучения феномена уголовно-процессуальной ответственности. Однако

под ней понималась не ответственность, установленная нормами уголовно-процессуального права, а любая ответственность, наступающая за нарушение уголовно-процессуальных обязанностей¹. Таким образом, разрабатываемая отечественными учеными-процессуалистами теория уголовно-процессуальной ответственности ни коим образом не противоречит нашей позиции и существует параллельно с ней.

Подобная ситуация, связанная с неопределенной формой юридической ответственности, весьма негативно сказывается и на эффективности денежного взыскания. Например, проведенный нами выборочный опрос федеральных и мировых судей города Москвы и некоторых близлежащих регионов показал, что на практике данная мера принуждения применяется крайне редко. Особенно остро эта проблема стоит в досудебном производстве, где дознаватели и следователи вынуждены для решения вопроса о наложении денежного взыскания обращаться в суд. А вместе с тем, реализация норм, предусматривающих ответственность за схожие административные правонарушения, далеко не всегда связана с рассмотрением дела в суде, что, с нашей точки зрения, является весьма целесообразным.

Выдвинув столько аргументов против существования денежного взыскания в уголовном судопроизводстве, стоит задуматься: а нужна ли эта мера принуждения вообще или надлежащий порядок предварительного расследования и судебного разбирательства можно обеспечить и по-другому...

Как нам представляется, взимание в доход государства денежных средств с лиц, которые определенным образом не выполнили (не надлежащим образом выполнили) властные предписания органов дознания, следователя, прокурора или суда, по своему существу — это высокоэффективная и необходимая мера. О ее целесообразности в сфере деятельности органов исполнительной и судебной власти неоднократно писали известные специалисты в области государственного управления и административного права².

¹ Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / Под ред. Л.Д. Кокорева. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1984. С. 44 и далее; Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М.: Наука, 1987. С. 18 и далее.

² Саввин М.Я. Административный штраф. М.: Юрид. лит., 1984. С. 31 и далее; Шергин А.П. Актуальные проблемы административно-деликтного права // Юрист, 2004, № 12. С. 45—48.

Однако при этом, думается, что эффективность такой меры касается далеко не всех лиц, подлежащих в настоящее время денежному взысканию по УПК РФ. Так, например, нет никакой необходимости подвергать денежному взысканию личного поручителя, не выполнившего возложенных на него обязательств, предусмотренных ст. 103 УПК РФ. Это лицо отвечает перед обществом и государством не своими деньгами, а доверием к нему, честным именем, репутацией. Тем более что для некоторых поручителей выплата установленных законом ста минимальных размеров оплаты труда не связана с особыми материальными затруднениями. Поэтому в случаях необходимости обеспечения надлежащего поведения обвиняемого посредством угрозы санкциями «экономического» характера следует применять не личное поручительство, а другую меру пресечения — залог.

Итак, на основании всего вышеизложенного мы приходим к прямо противоположным выводам, говорящим как в пользу денежного взыскания в уголовном процессе, так и наоборот. С одной стороны, эта мера по отношению к определенным участникам высокоэффективна и целесообразна. Но, с другой стороны, она не характерна для метода процессуального регулирования и несет в себе весьма неопределенную форму юридической ответственности.

Решение данной правовой проблемы нам видится в некоторых изменениях и дополнениях ряда законодательных актов РФ, сводящихся к следующему:

1. Необходимо вообще исключить из текста УПК РФ положения, регламентирующие как само денежное взыскание, так и порядок его наложения.

2. Нормы, устанавливающие ответственность участников уголовного судопроизводства за невыполнение (ненадлежащее выполнение) ими своих процессуальных обязанностей, должны найти отражение в законодательстве об административных правонарушениях, а именно в главе 17 КоАП РФ, посвященной административным правонарушениям, посягающим на институты государственной власти. И в связи с этим считаем целесообразным сформулировать несколько частных рекомендаций. Так, обязательным требованием, предъявляемым к диспозиции любой охра-

нительной нормы, как известно, является конкретизация тех противоправных действий (бездействий), за которые санкцией этой нормой предусматривается ответственность. При этом ст. 117 УПК РФ не говорит ни о каких конкретных правонарушениях, да и вообще в тексте Кодекса имеются всего лишь три ссылочные нормы (ч. 1 ст. 258, ч. 4 ст. 103 и ч. 3 ст. 105 УПК РФ), конкретизирующие такое неправомерное поведение, выражающееся в нарушении порядка в судебном заседании, а также в невыполнении своих обязательств поручителями и лицами, которым отданы под присмотр несовершеннолетние подозреваемый или обвиняемые. Вместе с тем, анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет определить и другие виды правонарушений, влекущих наложение денежного взыскания, а именно: нарушение обязательства о явке и неисполнение потерпевшим, свидетелем, гражданским ответчиком и другими участниками уголовного судопроизводства своих обязанностей, предусмотренных соответствующими статьями раздела II УПК РФ.

Таким образом, нам представляется, что включенные в КоАП РФ охранительные нормы обязательно должны конкретизировать те противоправные действия (бездействия) участников уголовного судопроизводства, которые влекут административную ответственность. По нашему мнению, к таким действиям (бездействиям) можно было бы отнести следующие:

- уклонение потерпевшего, гражданского ответчика свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика и понятого от явки по вызову дознавателя, следователя, прокурора или суда;
- нарушение порядка в зале судебного заседания;
- неподчинение распоряжениям председательствующего или судебного пристава;
- невыполнение поручителем или лицом, под присмотр которого отдан несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый), своих обязательств при избранных мерах пресечения в виде соответственно личного поручительства и присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым;
- нарушение потерпевшим или свидетелем обязательства о явке.

Все вышеперечисленные противоправные действия участников уголовного судопроизводства должны найти отражение в диспозициях новых статей главы 17 КоАП РФ.

При этом УПК РФ обязательно должен быть дополнен соответствующими бланкетными нормами, отсылающими к указанным статьям КоАП РФ. На такие бланкетные нормы должны быть замены и указанные выше ссылочные уголовно-процессуальные нормы, содержащиеся в ч. 1 ст. 258, ч. 4 ст. 103 и ч. 3 ст. 105 УПК РФ.

Санкции предлагаемых нами административно-правовых норм не должны содержать так называемого денежного взыскания, поскольку административное законодательство (ст. 3.2 КоАП) не предусматривает такого вида наказания. В данном случае ответственность должна выражаться посредством административного штрафа, выражаемого величиной, кратной минимальному размеру оплаты труда. В соответствии с ч. 3 ст. 3.5 КоАП РФ размер административного штрафа, налагаемого на граждан и исчисляемого, исходя из минимального размера оплаты труда, не может превышать 25 таких минимальных размеров. Вместе с тем, в настоящее время установленные УПК РФ размеры денежного взыскания, налагаемого за неисполнение поручителем или лицом, под присмотр которого отдан несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый), своих обязательств превышает указанные пределы и может достигать 100 таких минимальных размеров. Эта проблема, на наш взгляд, может быть решена только путем включения в ст. 3.5 КоАП РФ еще одной части, устанавливающей, что размер административного штрафа, налагаемого на физических лиц в случае неисполнения ими обязанностей участников уголовного судопроизводства может превышать сумму в 25 минимальных размеров оплаты труда. Однако при этом он не может превышать 100 таких минимальных размеров.

3. Производство по делам о подобных административных правонарушениях должно происходить в общем порядке, установленном III—V КоАП РФ. При этом следует высказать определенные суждения относительно подведомственности данных дел. Так, по действующему уголовно-процессуальному законодательству денежное взыскание может быть наложено только судом. Думается,

что рассмотрение указанной категории дел в порядке административного производства не должно входить исключительно в компетенцию суда. На наш взгляд, например, дела о нарушении порядка в зале судебного заседания вполне могут рассматриваться и разрешаться по существу органами Федеральной службы судебных приставов РФ.

В.И. Руднев

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СУДОМ СРОКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ПОСТАНОВЛЕНИИ ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

В ч. 2 ст. 22 Конституции РФ указано, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. Таким образом, сущность понятия «судебное решение» применительно к заключению под стражу и содержанию под стражей имеет конституционно-правовое значение и должно найти более полное отражение в отраслевом законодательстве.

Как известно, процедура избрания меры пресечения в виде заключения под стражу установлена ст. 108 УПК РФ, где говорится, что прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако, согласно положений этой статьи, в указанном ходатайстве не предусматривается срок, на который подозреваемый или обвиняемый могут быть заключены под стражу. Рассматривая данное ходатайство и придя к выводу о его удовлетворении, суд также не определяет период времени, в течение которого лицо будет содержаться под стражей.

Не знает об этом и лицо, заключаемое под стражу, чем ущемляются его права. Хотя в ч. 1 ст. 109 УПК РФ указано, что содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца. Тем самым, независимо от сложности дела, тяжести совершенного преступления, сведений о личности, других обстоятельств в отношении заключаемых под стражу лиц первоначаль-